

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 203–216.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 203–216.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-203-216

«НЕ УПАСТЬ ПОД БРЕМЕНЕМ ЗОЛ, ЧЕЛОВЕКА ДАВЯЩИХ»: МОЛОДОЙ М. М. СПЕРАНСКИЙ В ЕГО ДНЕВНИКАХ, ПИСЬМАХ И ПРОПОВЕДЯХ (1786–1800)

Федор Александрович Гайда

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Москва, Россия, fyodorgayda@gmail.com

 Аннотация. Выдающийся государственный деятель Российской империи граф М. М. Сперанский (1772–1839) происходил из низов духовного сословия Владимирской губернии и благодаря своим талантам и трудам сделал впечатляющую карьеру при трех монархах: Павле I, Александре I и Николае I. Тем не менее жизненный путь М. М. Сперанского был сопряжен с глубочайшими катастрофами политического и личного характера. Однако, не будучи физически крепким человеком, М. М. Сперанский мужественно перенес все невзгоды. Его умственный и душевный строй имел очень крепкую духовную основу. Статья касается той эпохи в жизни М. М. Сперанского, когда он еще не увлекся западной мистикой. Получив блестящее по тем временам и преимущественно светское образование в Александро-Невской семинарии, М. М. Сперанский со-

единил его со своим изначальным умонастроением. Личные письма, дневники и проповеди молодого М. М. Сперанского уже показывают и его блестящую образованность, и глубину личности. В этих документах их автор уже невольно предугадал многое из своего будущего жизненного пути.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, гомилетика, митрополит Гавриил (Петров), Александро-Невская духовная семинария

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Ссылка для цитирования: Гайда Ф. А. «Не упасть под бременем зол, человека давящих»: молодой М. М. Сперанский в его дневниках, письмах и проповедях (1786–1800) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2024. Т. 7, № 3. С. 203–216. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-203-216.

Memory of Culture

“DO NOT FALL UNDER THE BURDEN OF EVILS THAT OPPRESS A PERSON”:
YOUNG M. M. SPERANSKY IN HIS DIARIES, LETTERS AND SERMONS (1786–1800)

Fyodor A. Gayda

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
St. Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia,
fyodorgayda@gmail.com

Abstract. An outstanding statesman of the Russian Empire, Count M. M. Speransky (1772–1839) came from the lower clergy of the Vladimir province and, thanks to his talents and labors, made an impressive career under three monarchs: Paul I, Alexander I and Nicholas I. However, M. M. Speransky went through the deepest catastrophes of a political and personal nature in his life. Speransky was not a physically strong person, but he bravely endured all the hardships. His mental and spiritual structure had a very strong spiritual foundation. The article examines that era in the life of M. M. Speransky, when he had not yet become interested in Western mysticism. Speransky received a brilliant and predominantly secular education at

the Alexander Nevsky Seminary for those times and combined it with his original state of mind. Personal letters, diaries and sermons of the young M. M. Speransky is already shown both by his brilliant education and the depth of his personality. In these documents, their author unwittingly foresaw much of his future life path.

Keywords: M. M. Speransky, homiletics, Metropolitan Gabriel (Petrov), Alexander Nevsky Theological Seminary

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Gayda, F. A. (2024) “‘Do not fall under the burden of evils that oppress a person’: young M. M. Speransky in his diaries, letters and sermons (1786–1800)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(3), pp. 203–216. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-203-216.

Уже первый биограф гр. М. М. Сперанского гр. М. А. Корф подробно описал детские и молодые годы государственного деятеля, показав его ранние дарования и трудолюбие [Корф, 2014, с. 17–79]. В. А. Томсинов обобщил новые биографические данные будущего реформатора [Томсинов, 2006, с. 31–94]. Специальную работу религиозным взглядам Сперанского посвятил И. В. Катетов, который был склонен упирать на их радикальную эволюцию. Автор отметил юношескую религиозность мыслителя, но полагал, что в 1790-е годы она ушла. Оценивая «Досуги» — философский дневник Сперанского этого времени, — Катетов писал: «В них не заметно уже его прежней благочестивой настроенности: отчасти под влиянием постоянных жизненных удач, сопровождавших его служебную деятельность, и чисто юношеского задора, а отчасти под влиянием все еще не вышедшей тогда из моды французской философии здравого смысла, во взглядах Сперанского появился тот юношеский либерализм, то излишнее доверие к человеческим силам, которые значительно изменили его нравственную физиономию. При помощи одних этих сил, казалось ему, человек может и быть добродетельным, и достигнуть счастья; он сам может быть устройтелем своей судьбы» [Катетов, 1889, с. 100]. Под пером сурового критика Михаил (точнее Михайло) Михайлович превращался в молодого вольтерьянца: «В этих кратких заметках Сперанского, очевидно служивших прямым отражением той рассудочной, гордой и самонадеянной философии,

которая для некоторых еще не потеряла всей своей прелести, разум человеческий является во всей своей силе. Человек самолюбив и стремится к счастью, для достижения которого необходима добродетель, и разум один помогает ему» [Катетов, 1889, с. 102]. Однако, как отмечал Катетов, смерть жены в 1799 году оказала огромное влияние на Сперанского, превратив его в мистика: «Житейская философия с тем чисто юношеским задором, который виден в “Досугах”, сменилась у него каким-то полуфатализмом, значительно подрывавшим доверие к человеческим силам, а его религиозные воззрения мало по малу стали пропитываться духом того западного мистицизма, который все более и более охватывал тогдашнее русское общество» [Катетов, 1889, с. 106]. Томсинов, напротив, не желая преувеличивать влияния радикальных просветителей на молодого Сперанского, склонен трактовать «Досуги» в русле стоической философии [Томсинов, 2006, с. 53–55].

Самыми ранними известными нам духовными рассуждениями Сперанского стали его записи, сделанные в 14-летнем возрасте во Владимирской духовной семинарии, располагавшейся в Боголюбском монастыре. В это время будущий государственный деятель уже славился своими талантами: «Во Владимирской семинарии товарищи прозвали его Спасовы Очи, потому что он все знал, все понимал, все видел, по их мнению» [Погодин, 1871, стлб. 1110]. Рождественским постом, вероятно 30 ноября 1786 года, в день апостола Андрея Первозванного, Михайло писал: «Боже мой, научи меня любить Тебя, моего Творца! Сердце мое Тебе открыто. Я сам себя едва ли понимаю. // О, ты, что мыслями, сердцем и душою моею владеешь, доколе не осмелюсь... еще». Окончание фразы не вполне ясно, но сама она могла быть связана с призыванием апостола Андрея. В конце 1786 года, по-видимому, на Рождество Христово, когда вспоминалась история бегства Святого семейства от царя Ирода в Египет, юный Сперанский написал: «Бежи во Египет. Бог всемогущ и велит убежать. Он бы мог избавить; но мы не должны надеяться непосредственно на Бога, зная, что Бог чудес без причины не делает. Человек имеет разум. Если бы Бог непосредственно промышлял о человеке, то чрез сие человек повергнулся бы в праздность и, будучи в праздности и удовольствии, позабыл бы Бога» [Корф, 2014, с. 35]. Таким образом, разум понимался юношей как отпечаток образа Божьего в человеке. При этом о всевластии разума речи не было: он должен был подчиниться сердцу, посредством которого Бог говорит с человеком.

Смятение Сперанского, вероятно, было связано с выбором дальнейшего пути. В 1788 году он просил друга семьи прот. А. Самборского (законоучителя великих князей Александра и Константина) о переводе в Московский университет [Томсинов, 2006, с. 43–44]. Однако это по каким-то причинам не произо-

шло. Зато в 1790 году Сперанский в числе трех наиболее одаренных студентов был зачислен в реформированную Александро-Невскую семинарию, дававшую преимущественно светское образование, причем одно из лучших в России. Здесь Сперанский стал известен и как проповедник. Уже в 1787 году, 15 лет от роду, он произносил проповеди в присутствии владимирского архиерея. В заметках Михайлы была отмечена проповедь, состоявшаяся 6 июня — в 3-е воскресенье по Пятидесятнице [Корф, 2014, с. 30]. Тема ее неизвестна, но можно предположить некое особое значение этой проповеди для самого Сперанского. В тот день читался отрывок из Послания ап. Павла к Римлянам об истинной любви (тема, как уже упоминалось, волновавшая юношу): «От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. (...) Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:3–6, 8).

Тексты проповедей, произнесенных 19-летним Сперанским в Александро-Невской лавре в 1791 году в присутствии митрополита Гавриила (Петрова), до нас дошли. 16 февраля, в Неделю мясопустную, накануне Великого поста, читался евангельский текст: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф. 25:31–32). Рассуждая, молодой семинарист рисовал перед своей аудиторией страшную картину: «Едина мысль, что придет некогда день, решающий судьбу нашу на всю неизмеримость вечности, сильна привести в ужас и содрогание самый крепкий ум». По ангельскому зову происходит восстание из мертвых всего человечества, разделяемого затем на две части: «Так на глас сея трубы — се предстают они! се роды и племена воздымаются из тьмы и мраков ночи, коей они многие столетия были покрыты! се возникают, движутся и приемлют место свое целые империи! Где сии необъятные громады доселе скрывались? Число их бесконечно; вотще блудящее око будет исчислять их миллионами. (...) Но се Владыка естества помавает рукою, и неизвестная сила разделяет сии миллионы на две страны: менее, нежели в одно мгновенье ока, влекомы вихрем непреодолимым, они разлучаются» [Сперанский, 1862, с. 59–60].

Одесную оказываются праведники. Среди них видны и земные цари: «Здесь приходят государи, отцы своих народов, повергнут венцы свои к подножию Царя царей». Оправданием царей становится жизнь их подданных: «Слезы благодарности текут из их очей, и в сих-то слезах вышний Судия читает

историю жизни их государей. Каждый из них смеет произнести: Господи, се аз и дети мои, их же дал еси мне! (...) Я жил в них, я счастье свое измерял счастьем их; последний из них был предметом моих попечений. Жертвы покоя, удовольствия жизни, — я все готов был перенести за них. Но если всё сие еще не довольно к тому, чтобы осушить слезы каждого несчастного, прости слабости моей, ты зришь мое сердце, я повергаюсь пред твоим величием!». Затем говорят праведные судьи, после них обычные граждане и далее несправедливо гонимые: «И се Вышний разверзает им объятия свои: приидите, говорит Он, возлюбленные Отца моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Какое сердце не почувствует сотрясены в самой твердейшей части, внимая сему гласу? Почивать на лоне Бога, вкушать все блаженство, быть Его сыном, — о, человеки! неужели участь таковая не льстит вашему самолюбию?» [Сперанский, 1862, с. 62–63].

Грешники выстраиваются на противоположной стороне. Первым делом Сперанский вновь указывал на вершителей земных судеб: «Какое ужасное видение! Воззрите на сии лица, на коих раскаяние, досада, страх, отчаяние, все ужасы написаны. Это ваши счастливы; это суть те, кои более всех успели в собственной науке задушить совесть, кои уносимы вихрем света и не в силах будучи остановиться, повелели сердцу своему верить, что они рождены только для того, чтобы на малое время блистательным своим умом представить глазам зрителей какое-нибудь отменное явление и потом скрыться в бездну ничтожества. Но, увы! они не скрылись; они будут жить и мучиться вечно. Это суть те, из коих каждый некогда в уме своем говорил: на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол свой, буду подобен Вышнему». Теперь картина менялась полностью: «Слышен гром, тако глаголет Господь: ныне во ад снидеша и во основания земли, видевшии тя удивятся о тебе и рекут: се человек, раздражаяй небеса, сокрушаяй царства, положивый вселенную всю пусту и грады ея разсыпа. Здесь падите пред сими обожаемыми смертными, коих взор решил некогда вашу участь, и коих улыбку почитали вы блаженством вашей жизни. Их величие исчезло; они трепещут. Боги сего света! куда скрылась сия пышность, сие великолепие, провождавшее вас даже ко гробу? где делся гордый вид, с коим вы некогда взирали на несчастного?» [Сперанский, 1862, с. 63].

После гордых молодой проповедник живописал алчных: «Там предстанет пред тебя сей, у коего жадность твоя вырвала последний кусок хлеба, который хотел он разделить своим детям; он предстанет пред тебя в слезах, в отчаянии, терзающ свои власы, призывающ Бога, мстителя неправд и отца сирот». Христос отворачивался от них: «Уже не виден в Нем сей нежный отец, кото-

рый простирает некогда к тебе объятия свои. (...) Несчастный! чего ты лишился? Одет молниею и держа грома в деснице своей, се приходит Он и стязается с тобою! от лица Его лиется ярость и гнев! Он наводит руку свою, — и столпы вселенной колеблются, Тление и прах! И ты ли при сем останешься неподвижен? Исчезни, нет! живи, живи, чтоб быть отцем отриновенну, прокляту, сверженну во дно ада, предану всем ужасам вечной казни, чтоб слышать с подобными себе сей от Него глас: идите от Меня проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его. Несчастные! К кому прибегнете? Бог, совесть, ад, — все на вас вооружилось» [Сперанский, 1862, № 6, с. 64].

Интересно отметить исторический контекст: к этому времени во Франции уже упразднили привилегии дворян и духовенства, провели секуляризацию церковной собственности. Революция шла по нарастающей и обретала вполне апокалиптические очертания. Стоит также отметить, что проповедь была произнесена через полгода после выхода именного указа, касавшегося дела А. Н. Радищева. Томсинов касательно более поздней проповеди Сперанского отмечает, что он, подобно Радищеву, самоубийственно предостерегал монарха и сильных мира сего от несправедливых действий [Томсинов, 2006, с. 48–49]. Как бы то ни было, стоит отметить, что семинарист не перебрался через Неву в Петропавловскую крепость, а его проповедническая деятельность успешно продолжилась.

31 августа было произнесено слово на день Усекновения св. Иоанна Предтечи. В Евангелии говорилось следующее: «Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берёт его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Мк. 6:20). Сперанский объяснял поведение Ирода устройством человеческой природы: «Природа, образуя сердца человеков, дабы наиболее усовершенить творение свое, вложила в него тайное некое влечение ко всему изящному и превосходному. (...) Глас добродетели изнеженным душам кажется строг. Ее слова, всегда правдивые, трогают наше самолюбие. Но сердце долженствует сделать себе насилие, чтобы принудить себя его ненавидеть». Рассудок, движимый сердцем, стремится к добру: «Все пороки суть следствия незнания». Сперанский отмечал, что честолюбие само по себе прекрасно, но из-за человеческих страстей может обернуться реками крови или разрушениями, как было у Александра Македонского, Юлия Цезаря или Герострата. Необходимо ограничивать волю рассудком, а рассудок — сердцем: «После сих предосторожностей надобно только дать свободно действовать естественным нашим расположениям, чтобы снискать постоянный навык к добру и направить свои желанья к истинному изяществу и единой добродетели» [Сперанский, 1862, № 13, с. 127–131]. Когда семинарист рассуждал о царях древ-

ности и заточении пророка, французский король Людовик XVI уже находился под арестом.

5 октября Сперанский прочитал проповедь на евангельские слова: «Не бойся, отселе будешь человеки лова» (Лк. 5:10). Перед своими слушателями проповедник противопоставил «историю человеческого разума» и «историю веры». Он опять обращался к своей излюбленной теме господства сердца над разумом: «Мудрость без простодушия, без сего младенческого смирения и простоты есть только слабое отражение истинного света». Как отмечал семинарист, мудрец познает природу, опираясь на знания предшественников. Мудрость передается по наследству, и уже это предполагает превосходство нравственного начала: «Корень нашего просвещения утверждён на добродушии тех, кто его нам сообщили». Разум блуждает из-за человеческого эгоизма, именно поэтому возникли многочисленные и сложные законы. Между тем человек способен действовать иначе: «Пружина, дающая ход системе общества, очень проста: люби твоих собратий, помогай им — вот все таинство ее действий!». Проповедник призывал монархов, которым, по его мнению, недостаточно было лишь проявить свою просвещенность: «Если ты не будешь на троне человек; если сердце твое не познает обязательств человечества; если не сделаешь ему любезными милость и мир, не низойдешь от престола для отречения слез последнего из твоих подданных; если твои знания будут только пролагать пути твоему властолюбию; если ты употребишь их только к тому, чтобы искуснее позлатить цепи рабства, чтобы неприметнее наложить их на человек и чтобы уметь казать любовь к народу и из-под завесы великодушия искуснее похищать его стяжание на прихоти своего сластолюбия и твоих любимцев, чтобы поддержать всеобщее заблуждение, чтобы изгладить совершенно понятие свободы, (...) тогда со всеми своими дарованиями, со всем своим блеском ты будешь только — счастливый злодей; твои ласкатели внесут имя твое золотыми буквами в список умов величайших, но поздняя история черной кистью прибавит, что ты был тиран своего отечества». Сперанский обращался к слушателям от имени Бога: «Я требую добродетелей, не представляйте мне сих бесплодных изобретений, сих сухих правил, сих знаний, что вы называете глубокими: (...) не ум, раскройте сердце предо Мною» [Бычков, 1902, с. 285–287, 290].

13 ноября, в день св. Иоанна Златоустого, проповедь произносилась на текст: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10:9). Сперанский отмечал, что человеку свойственно желать счастья, но он также постоянно уклоняется от стремления к истинному счастью: «Все усилия, каковые мог делать разум относительно к нашему спасению, можно разделить на два рода. К первым можно отнести умозрительные его познания, к другим деяния его

нравственности. Первые суть ложны в началах, нелепы в последствиях, а вторые недостаточны в основаниях, слабы в середине, без упования и твердости в конце». Рассеяние души порождает скуку, а для верного соединения мыслей нужна вера. Без нравственности разум неизменно падает, погрязает в заблуждениях и пороках. Великие язычники не были исключением. Бог Гомера — Рок — был безнравственен. Даже Платон не устоял перед пороками. Великие герои Катон и Брут убили себя по малодушию и отчаянию. Сократ малодушествовал. Сперанский заключал: «Вот краткое изложение всего, что мог сделать разум без веры, как в умозрительных, так и в нравственных своих произведениях! Но примите в содействие веру и освятите ее присутствием естественные дарования, представьте себе добродетельного христианина: вы узрите, что все получит новую жизнь, и дела примут наилучший вид: его понятия о Боге будут чисты и справедливы, рок и судьба пред ним исчезнут». Лишь христианин оказывался тверд в гонениях. В проповеди против арианства Иоанна Златоуста не остановили ни настроения императорского двора, ни мнения народа. «Наилучшая похвала, какую мы сделать ему можем, есть подражание его вере, его благочестию, его деяниям», — завершал проповедник [Сперанский, 1862, № 25, с. 236–240]. Остается только удивляться, как в 1791 году Сперанский напророчил себе царские милости и немилости, но при этом сам же показал, как должен вести себя христианин в невзгоде.

По окончании семинарии в 1792 году Сперанский по инициативе митрополита Гавриила был оставлен при ней для преподавания. Однако уже в 1795 году он стал домашним секретарем кн. Алексея Куракина. К этому времени относятся «Досуги», которые И. В. Катетов расценил как поворотные в мысли Сперанского. Однако они такого впечатления не производят. Сперанский и в 23 года по-прежнему писал о недостатках и тупиках разума. «Сущность всех творений» может раскрываться лишь постепенно, причем «собственным и часто горестным опытом» [Дружеские письма ... , 1862, с. 126]. Поэтому «разность между чернью и философом в сем мире состоит только в том, что чернь делает глупости с важностью, а философ со смехом» [Дружеские письма ... , 1862, с. 127]. Оказавшись в новой среде и легко переходя с языка богословия на философский язык, Сперанский, в сущности, оставался при своих прежних взглядах.

В природе человека, по мысли Сперанского, есть нравственное начало, но человек не добр сам по себе, потому что в нем гнездятся страсти. Их ограничивают разум и самолюбие. Можно делать добро по разуму и по привычке, но то и другое — не просто добрая природа. Мыслитель выступал против идеи руссоистской «чувствительности». В «Словаре Академии российской»

в 1794 году были помещены статьи «Чувствительность» и «Чувствительный». Первое понятие имело в качестве одного из значений «сострадательность; качество трогаящегося человека нещастием другого»; второе предполагало, что «чувствительный человек (...) чувствителен к нещастиям ближнего» [Словарь Академии российской, 1794, с. 839]. Сперанский задавался вопросом: «К чему вводить новые и химерические способности в природу человека? Разум и самолюбие все изъясняют. И сия нежная душа, поражающаяся первым взглядом несчастного, и сие важное размышляющее существо, взвешивающее обстоятельства и не прежде решающееся на добродетель, как измерив ее и приложив ее к своим началам, движутся одним и тем же разумом. Все различие состоит только в том, что правила первого механическим упражнением превращены в привычку, а правила второго непрерывным действием размышления сохранили начальный свой вид. (...) То, что называют *человеком чувствительным*, есть род машины, не понимающей хода собственных колес своих; но человек добрый по началам не только знает, что он чувствует, но знает вместе, что он должен чувствовать так, а не иначе по природе своих способностей. Тот и другой равно могут быть добры» [Дружеские письма ... , 1862, с. 128–130]. «Чувствительность» (сентиментальность) с 1791 года начал проповедовать в своем «Московском журнале» и публиковавшихся там «Письмах русского путешественника» модный тогда молодой писатель Н. М. Карамзин [Московский журнал, 1791, ч. 1, с. 39–40; ч. 2, с. 23 и др.]. Здесь Сперанский выступил явным консерватором, а до нового столкновения с Карамзиным на политической почве, где их роли заметно поменяются, оставалось еще полтора десятилетия.

Господство над страстями, по мысли Сперанского, могло сделать человека счастливым: «Быть счастливым и быть добрым есть совершенно одно и то же. (...) Счастье в нашей системе мира есть перевес *ощущений приятных* над *досадами*. Добродетель есть тот же самый перевес *совершенств* над *недостатками*. (...) Говорят, что добродетель без удачного сопряжения обстоятельств быть счастливой не может. Но к чему отделяют добродетель от благоразумия, рождающего сии удачные случаи, или ими пользующегося? Тот не добродетелен, кто не счастлив по внешнему положению» [Дружеские письма ... , 1862, с. 132, 133]. Свои страсти Сперанский определял так: «С тремя врагами должен я бороться: *с леностью, робостью и гордостью*. Боже мой! Какие враги! Они соединились против меня с дней моего детства. Темперамент мой всегда подает им всегда новое оружие, и что могу я сделать один против трех, я — бедный и слабый смертный, с моим блестящим воображением и слабым разумом» [Дружеские письма ... , 1862, с. 134]. Этот отрывок хорошо показывает разницу между рассудком и разумом в понимании Сперанского: рассудочная душа горда,

самолюбива, а разум имеет отношение к человеческому духу и религиозному началу. Разум с Божьей помощью позволяет подняться над самим собой.

Со вступлением на престол Павла I Сперанский благодаря покровительству Куракина перешел на государственную службу и в 1797–1799 годах сделал стремительную карьеру, став статским советником (чин, равный бригадиру) уже в 27 лет. В 1800 году он был произведен в секретари ордена Андрея Первозванного и пожалован Мальтийским орденом (высшей в империи наградой). При этом, описывая свою службу у Куракина в письме архимандриту Евгению (Романову; Сперанский был при нем келейником в бытность того ректором Владимирской семинарии), не терял голову: «Живя в его доме, с одной стороны я нечувствительно привыкал к свету и его необходимой суеде; с другой, имея всегда необходимое пристанище, я смеялся вздору и излишним забобонам. (...) Таким образом, весы судьбы моей, столь долго колебавшись, наконец кажется приостановились; не знаю, на долго ли; но это не наше дело, а дело Промысла, в путях коего я доселе еще не терялся» [В память ... , 1872, с. 337]. Позднее Сперанский, извиняясь перед корреспондентом за свои «философско-меланхолические бредни», продолжал: «Нужно, очень нужно иметь высшее понятие о предустановлении человека, о звании его в будущее, чтоб не упасть под бременем зол, человека давящих. (...) Ни по летам, ни по обстоятельствам моим не имея причин жаловаться на судьбу свою, я привык однакож представлять себе людей младенцами, коих счастье здесь на земли состоит в перемене игрушек и коих огорчения по большей части происходят от щелчков, которые они сами дают друг другу. Счастлив кто может больше их давать, нежели принимает» [В память ... , 1872, с. 339–340].

П. А. Словцову, своему товарищу по Александро-Невской семинарии, Сперанский в те же годы писал весьма трезво: «Вещи блестят только издали; вблизи все они почти равны, то есть все исполнены суетности и вздорных мечтаний, с тем только различием, что есть в свете положения, не требующие ни перелому совести, ни подрыву силам душевным; положения, сообразные с простотою доброго сердца» [В память ... , 1872, с. 407]. Личная трагедия (кончина жены через 1 год брака, произошедшая в ноябре 1799 года) лишь укрепила Сперанского в его религиозных воззрениях: «...никто и ничто не даст мне уже счастья на сей земле, где привязан я одною только дочерью и где каждую минуту теперь я чувствую, что такое есть жить по необходимости, а не по надежде» [В память ... , 1872, с. 347]. Прозрачный намек на собственную, полученную в семинарии фамилию (Сперанский от лат. sperare — ‘надеяться’) и внутреннее перерождение вновь не означал смены взглядов.

Таким образом, мировоззрение молодого Сперанского в конце XVIII века было достаточно стабильно, его богословские суждения вполне органично вы-

лились в философские формы. Страстная человеческая природа для мыслителя нуждалась в господстве разума, но сам он требовал наличия нравственного начала, сердца и веры. Жизненные испытания можно было преодолеть лишь благодаря истинной вере. Добродетель делала человека счастливым. Подобные суждения касались и монархов, которые, как и всякие люди, несли ответственность за свои деяния. Уже во время обучения в семинарии у Сперанского появилось представление о разнице между законодательством и политической практикой (позднее, в записках 1802 года, появится «внешний и внутренний образ правления»). В целом же эти рассуждения более всего схожи с «Мыслями» Б. Паскаля. Политические взгляды Сперанского оказываются близки философии епископа Ж.-Б. Боссюэ. Остается вопросом, в какой степени Сперанский был непосредственно знаком с французской религиозной мыслью XVII века или он опосредованно принял ее через систему русского духовного образования XVIII столетия¹. Знакомство с мистическими трудами Ф. Фенелона и К. фон Эккартсгаузена произойдет уже в начале XIX века под влиянием масона И. В. Лопухина, но ляжет оно на хорошо подготовленную почву.

Список источников

[Бычков И. А.] К биографии графа М. М. Сперанского: Материалы. — Заметки барона М. А. Корфа (из бумаг академика А. Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. Т. 109, вып. 2. С. 283–306.

В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. 855 с.

Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М. М. Сперанского. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. 141 с.

Катетов И. В. Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель. Казань: Тип. Ун-та, 1889. 349 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М.: Статут, 2014. 487 с.

Московский журнал. 1791. Ч. 1. 368 с.

Московский журнал. 1791. Ч. 2. 340 с.

¹ На Паскаля и Боссюэ, в частности, ссылался в письме Сперанскому от 20 сентября 1804 года его однокашник по Александро-Невской семинарии и друг епископ Феофилакт (Русанов). См.: [В память ... , 1872, с. 370]. Стоит отметить и сравнение проповедей Сперанского с проповедями Боссюэ у гр. М. А. Корфа [Бычков, 1902, с. 288].

Погодин М. П. Сперанский (Посвящается барону Модесту Андреевичу Корфу) // Русский архив. 1871. № 7–8. Стлб. 1097–1252.

Словарь Академии российской. Ч. VI. СПб.: Императорская Академия наук, 1794. 1110 с.

[Сперанский М. М.] На день Св. Иоанна Златоустого // Ярославские епархиальные ведомости. 1862. 24 июня. № 25. С. 235–240.

[Сперанский М. М.] На день Усекновения святого Иоанна Предтечи // Ярославские епархиальные ведомости. 1862. 1 апреля. № 13. С. 127–131.

[Сперанский М. М.] Слово в неделю мясопустную // Ярославские епархиальные ведомости. 1862. 11 февраля. № 6. С. 59–65.

Томсинов В. А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. 455 с.

References

[Bychkov, I. A.] (1902) “K biografii grafa M. M. Speranskogo: Materialy. — Zametki barona M.A. Korfa (iz bumag akademika A.F. Bychkova)” [“To the Biography of Count M. M. Speransky: Materials. — Notes from Baron M. A. Korf (From the Papers of Academician A. F. Bychkov)”], *Russkaja starina*, 109(2), pp. 283–306.

Druzheskie pis'ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal'skomu, pisannye s 1798 po 1819 god, s istoricheskimi pojasnenijami, sostavlennymi K. Masal'skim, i nekotorye sochinenija pervoj molodosti grafa M. M. Speranskogo [Friendly Letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky, Written from 1798 to 1819, with Historical Explanations Compiled by K. Masalsky, and Some Works of the First Youth of Count M. M. Speransky] (1862) St. Petersburg: V Tipografii II-go Otdelenija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii.

Katetov, I. V. (1889) *Graf Mihail Mihajlovich Speranskij kak religioznyj myslitel'* [Count Mikhail Mikhailovich Speransky as a Religious Thinker]. Kazan: Tipografiya Universiteta.

Korf, M. A. (2014) *Zhizn' grafa Speranskogo* [Life of Count Speransky]. Moscow: Statut.

Moskovskij Zhurnal. Chast' 1 [Moscow Magazine. Part 1] (1791).

Moskovskij Zhurnal. Chast' 2 [Moscow Magazine. Part 2] (1791).

Pogodin, M. P. (1871) “Speranskij (Posvjashhaetsja baronu Modestu Andreevichu Korfu)” [“Speransky (Dedicated to Baron Modest Andreevich Korf)”], *Russkij arhiv*, 7–8, column 1097–1252.

Slovar' Akademii rossijskoj. Chast' 6 [Dictionary of the Russian Academy. Part VI] (1794) St. Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk.

[Speranskij, M. M.] (1862) “Na den' Sv. Ioanna Zlatoustogo” [“Sermon on the Day of St. John Chrysostom”], *Jaroslavskie eparhial'nye vedomosti*, 25, 24 June, pp. 235–240.

[Speranskij, M. M.] (1862) “Na den’ Useknovenija svjatogo Ioanna Predtechii” [“Sermon on the Day of the Beheading of St. John the Baptist”], *Jaroslavskie eparhial’nye vedomosti*, 13, 1 April, pp. 127–131.

[Speranskij, M. M.] (1862) “Slovo v nedelju mjasopustnuju” [“Sermon on Maslentsa Week”], *Jaroslavskie eparhial’nye vedomosti*, 6, 11 February, pp. 59–65.

Tomsinov, V. A. (2006) *Speranskij*. Moscow: Molodaja gvardija.

V pamjat’ grafa Mihaila Mihajlovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872] (1872) Ed. by A. F. Vyckov. St. Petersburg: Izdanie Imperatorskoj publichnoj biblioteki.

Информация об авторе: Федор Александрович Гайда — доктор исторических наук, профессор, исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Адрес: Российская Федерация, 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.

Information about the author: Fyodor A. Gayda — DSc in History, Professor, the History Department of the Lomonosov Moscow State University. Address: 4, 27 Lomonosovsky Prosp., Moscow, 119192, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Department of Contemporary History of the St. Tikhon Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya Str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2024;
принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.